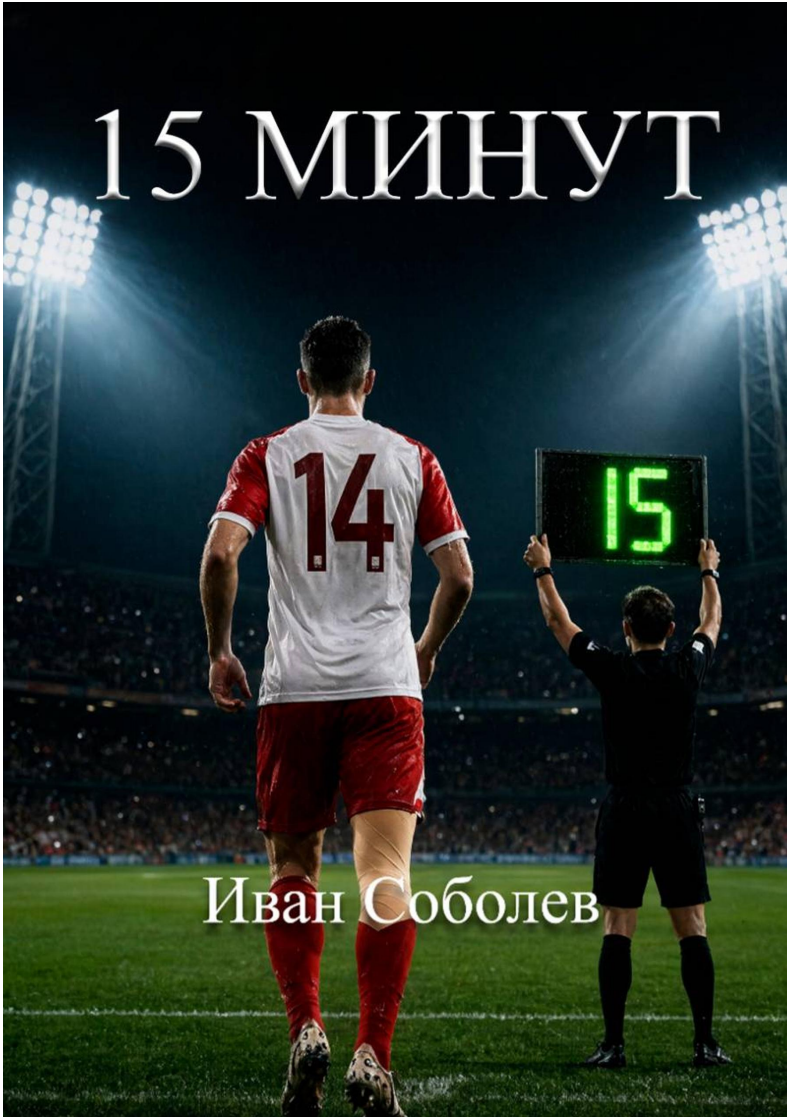
15 МИНУТ



Иван Соболев

Иван Соболев
15 минут

https://litres.ru/75005899
SelfPub; 2026

Аннотация

Он был рождён, чтобы стать мировой звездой, но одна тяжёлая травма перечеркнула всё. Списанный родным клубом, он получил от врачей жёсткий лимит — не больше 15 минут на поле за матч. Сможет ли Артём Волков, пройдя через предательство, боль и чужие стадионы, за это крошечное время переписать историю футбола и стать легендой?

Иван Соболев
15 минут

Глава 1. Тишина после свистка

Лифт в башне «Федерация» поднимался почти бесшумно, но у Артема на тридцатом этаже все равно заложило уши. Он привычно сглотнул, прислонился плечом к зеркальной стене кабины и посмотрел на свое отражение.

Черное кашемировое пальто, темно-серый свитер с высоким горлом, джинсы без единой потертости. Со стороны он выглядел как молодой владелец инвестиционного фонда или успешный архитектор — кто угодно, только не человек, чьи ноги еще три месяца назад застраховали на сто двадцать миллионов евро. Лишь легкая, едва заметная асимметрия в походке выдавала правду: правую ногу Волков ставил на пол чуть бережнее, чем левую, словно даже спустя десять лет после той московской осени не до конца доверял собственному колену.

Двери лифта мягко разъехались. На пороге просторного лофта, переоборудованного под закрытую студию, его уже ждал Максим Ковалев.

Ковалеву было чуть за сорок. В спортивной журналистике он считался тяжеловесом — человеком, который не бегал за футболистами по микст-зонам с диктофоном наперe-

вес, а заставлял президентов лиг и тренеров сборных часами оправдываться в прямом эфире. Но сейчас в его взгляде не было привычной хищной остроты. Скорее — профессиональное изумление, смешанное с искренним любопытством.

— Артем, спасибо, что приехал, — Максим крепко пожал ему руку. Ладонь у Волкова была сухой, горячей и жесткой, как наждак. — Честно говоря, до последней минуты думал, что твой агент позвонит и все отменит. Ты ведь за три месяца после поста в соцсетях никому не сказал ни слова.

— Агенту я запретил поднимать трубку, когда звонят из газет, — спокойно ответил Артем, снимая пальто и вешая его на деревянную стойку у входа. — А тебе согласился только потому, что ты единственный, кто три года назад, когда вся страна поливала меня грязью за отказ от сборной, написал честную колонку. Без истерик.

Ковалев усмехнулся, приглашая гостя к низкому стеклянному столу у панорамного окна.

— За ту колонку меня чуть с телеканала не выгнали. Звонили сверху, спрашивали, не платят ли мне из Манчестера. Кофе? Чай? Есть отличный пуэр, без кофеина — знаю, что ты за режимом следишь.

— Давай обычный черный американо, Максим. Без сахара. Режим закончился ровно в тот день, когда я сдал ключи от шкафчика на базе в Мадриде.

Студия на тридцать втором этаже пахла свежемолотыми зернами, озоном от скрытых кондиционеров и легкой

ноябрьской сыростью, пробивавшейся сквозь микрощели в огромных рамах. За стеклом Москва медленно тонула в ранних сумерках: внизу, словно раскаленная лава, ползли красные огни пробок на Третьем кольце, а вдалеке, в серой дымке, едва угадывались очертания знакомых стадионов. Где-то там, на севере города, стояла и та самая арена, с которой когда-то все началось.

Ковалев поставил перед Артемом чашку, сел в кресло напротив и положил на стол профессиональный диктофон. Красный огонек мигнул, фиксируя начало записи.

— Знаешь, Артем, перед нашей встречей я звонил знакомому аналитику в Лондон, — начал журналист, неторопливо листая кожаный блокнот. — Он работает в одном из крупнейших букмекерских синдикатов Европы. И он рассказал мне вещь, в которую я сначала не поверил. У них в главном офисе до сих пор висит внутренний регламент. Называется «Правило Волкова». Как только ваша фамилия появлялась в заявке на матч — даже если вы сидели в глубоком запасе в пуховике и без щитков, — алгоритмы автоматически обрушивали коэффициенты на камбэк вашей команды в десять раз. А прием ставок на последние пятнадцать минут игры просто замораживали.

Артем отпил горячий кофе, глядя поверх чашки на журналиста. Правая нога под столом то и дело едва заметно дергалась — старая, въевшаяся в мышечную память привычка, оставшаяся от десятков операций, блокад и тысяч уколов

обезболивающего перед выходом на газон.

— Мой агент шутил, что я разорил в Европе больше контор, чем все договорные матчи на Балканах вместе взятые, — ответил он, и голос его, низкий, чуть хрипловатый, заполнил тишину студии. — Помню, в Англии ко мне после игры подошел резервный арбитр в подтрибунке. Обычный мужик лет пятидесяти. И шепотом говорит: «Парень, из-за тебя мой зять вчера проиграл двести фунтов — поставил на тотал меньше за десять минут до конца, а ты вышел и два положил». Смешного тут, правда, мало, Максим. Аналитики в Лондоне считали цифры, а я считал минуты. Они боялись того, что я выйду и переверну игру. А я каждый раз, когда разминался у бровки, боялся только одного — что эти пятнадцать минут станут для моих ног последними. Что сухожилие просто лопнет, как перетянутая струна, и с поля меня унесут уже навсегда.

Ковалев подался вперед, опираясь локтями о колени.

— Но ведь в последние годы ты играл почти полные матчи. И в Манчестере, и в Мадриде. Медицина же шагнула вперед.

— Медицина шагнула, а кости — нет, — Артем поставил чашку на блюдце и закатал правую штанину джинсов до середины голени. Ковалев невольно отвел взгляд: нога была исполосована белесыми, неровными шрамами, словно ее сшивали в полевых условиях. — Каждый мой матч начинался за три часа до стартового свистка. Сначала полтора часа

в зале на закачку связок, потом ледяная ванна, потом два укола лидокаина прямо в суставную сумку, чтобы я просто не чувствовал, как кость трется о кость. После финального свистка, когда адреналин уходил, я иногда не мог сам дойти от душа до клубного автобуса. Ребята меня под руки выводили, пока журналисты на улице думали, что я просто устал и не хочу давать автографы.

В студии повисла тяжелая пауза. За окном глухо гудел ветер, раскачивая тросы мойщиков окон где-то высоко над крышей.

— И все же... — тихо произнес Ковалев. — В двадцать девять лет, после сезона в «Королевском клубе», когда у тебя на руках контракт еще на два года, когда весь мир у твоих ног, а в коллекции есть золото чемпионата мира и Европы... Почему ты не доиграл хотя бы до тридцати двух? В Испании на таких уколах люди до тридцати пяти бегают. Просто ходил бы пешком по полю, раздавал пасы, получал свои миллионы.

Волков замолчал. Он перевел взгляд на окно, туда, где за мокрым стеклом растворялись огни ночного города. В отражении было видно его лицо — резкие скулы, короткий шрам над левой бровью, глубокие морщины у глаз, делавшие его старше своих лет.

— Знаешь, в чем главная ложь большого футбола, Максим? — спросил Артем, не оборачиваясь. — Нам с детства вбивают в голову, что футбол — это игра про радость. Про мечту. Про любовь к мячу, про братство в раздевалке. На

самом деле, когда тебя ломают в восемнадцать лет и выбрасывают на обочину как бракованную деталь, футбол превращается в топливо. Очень грязное, токсичное топливо. Оно называется злостью.

Он повернул голову обратно к журналисту. В его серых глазах не было ни обиды, ни пафоса — только холодная, выжженная дотла ясность.

— Я бежал на этой злости десять лет. Я забивал не ради кубков, не ради премиальных и даже не ради фанатов, хотя я им бесконечно благодарен. Я забивал, чтобы доказать каждому, кто поставил на мне крест, что они ничтожества. Чтобы те, кто вытирал об меня ноги в кабинетах, задыхались от зависти, глядя в телевизор. И это работало. Оно тащило меня через боль, через сугробы в Польше, через лед в Исландии, через английскую грязь. Пока однажды я не поймал себя на том, что превратился в точную копию того человека, который когда-то сломал мне жизнь.

Ковалев замер, боясь лишним движением спугнуть эту откровенность. Диктофон бесшумно отсчитывал секунды.

— Тот последний матч в Испании... — осторожно подсказал журналист. — Ваша красная карточка. Шесть матчей дисквалификации. Вся спортивная пресса писала, что у Волкова просто сдали нервы из-за того, что после травмы он потерял скорость и перестал забивать сам.

— У меня не нервы сдали, — покачал головой Артем. — У меня закончился бензин. Когда я в том матче прыг-

нул сзади двумя ногами в пацана, который был моложе меня на десять лет... Я посмотрел на него, лежащего на газоне, и вдруг увидел самого себя. Восемнадцатилетнего. На холодном московском поле, под проливным октябрьским дождем. Только тогда по ногам били меня. А теперь бил я. И в ту секунду я понял: если я не уйду прямо сейчас, футбол сожрет во мне последнее, что еще оставалось живого. То, чему меня учил отец.

Журналист медленно кивнул, делая пометку в блокноте, а затем поднял взгляд.

— Раз уж мы заговорили об отце и о Москве... Официальная версия клуба тогда звучала предельно сухо: «перспективный воспитанник не сумел восстановиться после тяжелой травмы, стороны расстались по обоюдному согласию». Но все, кто был рядом, шептались, что вас просто списали. Как все было на самом деле?

Волков сделал еще один глоток остывшего кофе, поставил чашку на стеклянный столик и глубоко вздохнул.

— «По обоюдному согласию» — это любимая фраза футбольных чиновников, когда они предают своих, — усмехнулся он. — Никакого согласия не было. Была пустая раздевалка на базе, запах камфорного спирта, костыли, которые скользили по мокрому кафелю, и взгляд человека, которому я верил больше, чем себе. Все началось там. В красно-синей футболке, которую я мечтал надеть с шести лет.

Глава 2. Красно-синяя мечта

Шесть лет. Именно столько было Артему, когда отец впервые привел его на старый, продуваемый всеми ветрами московский стадион. Тогда там еще лежал вытоптанный до рыжих проплешин газон, облупленные деревянные лавки скрипели под ногами, а с трибун тянуло жареными семечками, дешевым табаком и мокрой шерстью осенних пальто. На поле выходили люди в красно-синих футболках — для маленького Темы они казались не спортсменами, а рыцарями в доспехах, которые вышли защищать свою крепость.

— Смотри, сынок, — сказал тогда Сергей Волков, положив тяжелую, пропахшую соляркой и машинным маслом ладонь на плечо мальчика. — В жизни можно поменять многое. Город, работу, даже характер. Но цвета, которым ты отдал сердце в детстве, не меняют. Запомни это.

Артем запомнил. К семнадцати годам вся его жизнь умещалась в одну-единственную мечту: пройти молодежную команду «Армейцев», пробиться в основу и выйти на главный стадион страны под рев сорока тысяч трибун.

Жили они с отцом вдвоем в тесной двушке на окраине Москвы, в старой панельной пятиэтажке, где по ночам гудели трубы в ванной, а на кухне стоял потертый клеенчатый стол. Мать ушла из семьи, когда Теме не было и пяти, выбрав новую, богатую жизнь за границей. Сергей никогда не

сказал о ней ни одного плохого слова — просто сжал зубы, устроился на две работы в автоколонну и вытянул сына сам.

Каждое утро в шесть утра на их кухне щелкал старый электрочайник. Сергей жарил яичницу с колбасой, заваривал крепкий черный чай и проверял, сложил ли сын в рюкзак запасные гетры и щитки.

— На базе не филонь, — ворчал отец, завязывая шнурки на рабочих ботинках. — Талантливых там пол-Москвы. Пробиваются не те, кто красиво финтит, а те, кто после тренировки остается еще на час и лупит по воротам, пока ноги не отвалятся.

Артем не филонил. Он оставался после каждой тренировки. Выставлял на линию штрафной ржавую треногу с натянутой сеткой и бил по сто раз с правой, потом сто раз с левой — в девятку, в нижний угол, с отскоком от газона. Когда темнело, и охранник базы начинал кричать с крыльца, чтобы «мелкий проваливал домой», Артем собирал мячи в сетку и шел на электричку, чувствуя приятную, гудящую усталость в мышцах.

И к восемнадцати годам этот адский труд начал приносить плоды.

В молодежном первенстве Волков был не просто лучшим бомбардиром — он выглядел гостем с другой планеты. Невысокий, жилистый, с центром тяжести, смещенным так низко, что сбить его с ног в плечевом стыке было почти невозможно. Он обладал невероятной стартовой скоростью:

первые пять метров Артем пробегал быстрее всех в академии. Он не любил возиться с мячом ради красивых трюков на камеру. Его стихией был рывок за спины защитникам, одно касание, резкий разворот на опорной ноге — и мяч, словно пущенный из пращи, впивался в сетку.

— Ты у нас как киллер, Темыч, — смеялся после игр Игорь Савин, капитан молодежки и его единственный настоящий друг в команде. Игорь был из обеспеченной семьи, ездил на тренировки на подержанной «бэхе» отца, но никогда не задирал нос и искренне восхищался упрямством Волкова. — Никакой романтики. Пришел, увидел, похоронил. В следующем сезоне Виктор Петрович точно тебя к основе подтянет. Я слышал, он вчера у нашего тренера твои показатели по спринтам спрашивал.

Виктор Петрович Самойлов — главный тренер основной команды «Армейцев» — действительно приходил смотреть матчи дубля. Он стоял у кромки поля в длинном черном пуховике, заложив руки за спину, и внимательно следил за четырнадцатым номером. После одной из игр, где Артем забил три мяча за один тайм, Самойлов лично подошел к нему у входа в подтрибунное помещение, хлопнул по плечу и коротко бросил: *«Хорош, парень. Продолжай в том же духе — зимой поедешь с нами на сборы в Испанию»*.

В ту ночь Артем почти не спал. Он лежал в темноте, смотрел в потолок и представлял, как купит отцу новую машину взамен его старой, проржавевшей до дыр «Нивы», как сни-

мет им нормальную квартиру поближе к центру и больше никогда не позволит Сергею вкалывать в ночные смены.

В том сезоне «Армейцы» не проигрывали никому. Параллельно Артема вызвали в молодежную сборную России, и там повторилась та же история: шесть матчей — одиннадцать голов. В спортивных газетах впервые замелькала его фамилия. Агенты начали дежурить у ворот базы, суя в руки визитки, но Волков вежливо отказывался. У него была одна мечта, и до нее оставалось протянуть руку.

Пока не наступил октябрь.

Матч против принципиальных соперников из Подмосковья ничего не решал в турнирной таблице — «Армейцы» и так шли с отрывом в двенадцать очков. С самого утра над Москвой висели тяжелые свинцовые тучи, а за час до стартового свистка хлынул ледяной, косой дождь. Поле на стадионе академии мгновенно развезло: трава превратилась в скользкое месиво, мяч стал тяжелым, как свинцовое ядро, а каждый подкат заканчивался скольжением по грязи на пять-шесть метров.

Перед выходом из раздевалки главный тренер молодежки подошел к Артему.

— Темыч, поле — болото. Сыграй первый тайм, сделай задел — и я тебя сразу уберу. Нечего ноги ломать в такой грязи.

Но в первом тайме мяч упорно не шел в ворота. Зато после перерыва Артема прорвало. На пятидесятой минуте он

открыл счет ударом с линии штрафной. На пятьдесят восьмой удвоил преимущество, пробив между ног вратарю. На шестьдесят седьмой оформил хет-трик, замкнув прострел Игоря Савина на дальней штанге. **3:0.**

У кромки поля уже подняли табличку с его номером для замены. Артем подбежал к бровке, вытирая мокрое лицо краем футболки.

— Тренер, дай еще пять минут! — крикнул он, переводя дыхание. — Хочу покер сделать, у них защита совсем развалилась!

Тренер колебался секунду, но махнул рукой резервному арбитру — отбой.

Это решение стоило Артему десяти лет жизни.

Защитник соперников, рослый, грузный парень по фамилии Кравцов, весь матч не успевал за Волковым. Трибуны, на которых сидели пара сотен зрителей под зонтами, откровенно смеялись над ним каждый раз, когда Артем прокидывал мяч мимо и уходил в отрыв, как от стоячего. В глазах Кравцова к концу игры застыла тупая, слепая, животная ярость человека, которого публично унизили.

На семьдесят четвертой минуте Артем принял мяч в центральном круге, развернулся корпусом и снова пробросил его мимо Кравцова. Перед ним открылся пустой коридор до самой штрафной. Защитник остался за спиной на два шага.

Он не увидел, как Кравцов, даже не пытаясь дотянуться до мяча, с разбегу прыгнул вперед двумя ногами. Прямыми

металлическими шипами. На уровне правого колена и верхней части голени.

Удар был такой силы, что его глухой звук услышали даже на скамейке запасных. Сухой, мерзкий хруст, похожий на треск ломающейся под сапогом сухой ветки.

Артем не сразу почувствовал боль. Сначала был только шок — мир перевернулся, серое небо и мокрый газон поменялись местами, а затем правую ногу словно облили кипятком и одновременно зажали в раскаленные тиски. Он открыл рот, чтобы закричать, но из горла вырвался только сдавленный, хриплый сип.

Вокруг завыл свисток. Игорь Савин первым подлетел к Кравцову и сбил его с ног ударом в грудь. Началась стенка на стенку, судья размахивал красной карточкой, врачи бежали через поле с носилками, а Артем лежал в ледяной луже, глядя в серое московское небо, и пытался пошевелить пальцами правой ноги.

Пальцы не двигались. Гетра на колене стремительно набухала, превращаясь в бесформенный, пульсирующий ком.

Первые две недели после сложнейшей четырехчасовой операции телефон на тумбочке в палате разрывался от звонков и сообщений.

Приходили ребята из команды, приносили пакеты с апельсинами, травили байки с тренировок и уверяли, что без него

в атаке совсем тоска. Тренер молодежки лично заглянул на десять минут, похлопал по здоровому плечу и бодро сказал: «Держись, боец, мы тебя ждем». Из федерации футбола прислали официальный бланк с пожеланиями скорейшего выздоровления.

Отец дежурил у кровати почти круглосуточно, отсыпаясь урывками на жестком больничном стуле. Сергей похудел, осунулся, под глазами залегли черные круги, но при сыне он ни разу не показал страха — только шутил и приносил из дома горячий куриный бульон в термосе.

А потом пришел хирург. Пожилой профессор, который собирал кости и связки половине олимпийской сборной. Он долго держал рентгеновские снимки напротив окна, хмурил седые брови, а потом попросил Сергея выйти на пару минут в коридор и сел на край кровати.

— Врать не буду, парень, — сказал он тихо, глядя Артему прямо в глаза. — Собрали мы все чисто. Металл поставили хороший, связки сшили. Ходить будешь нормально, даже бегать трусцой по утрам в парке сможешь. Но профессиональный футбол... У тебя раздроблена надкостница, порваны крестообразные и боковые связки, задет малоберцовый нерв. Нагрузка на прежнем уровне просто разорвет ногу заново, и тогда уже никакой протез не поможет. Забудь про большой спорт. Тебе восемнадцать, вся жизнь впереди. Учись жить заново.

Когда врач вышел, в палате повисла звонкая, давящая ти-

шина, в которой было слышно только, как за окном капает вода с карниза.

А через три дня звонки прекратились. Будто кто-то повернул невидимый рубильник.

Сначала перестали писать ребята из сборной — у них начался новый сбор в Турции, появились новые звезды, новые голы, новые герои. Потом реже стал заходить Игорь Савин: в основе освободилось место, шла жесткая борьба за контракты, и всем стало не до сломанного товарища. На звонки Волкова в клубе начали отвечать сухо: *«Перезвоним, сейчас совещание»*.

Финальная точка была поставлена через месяц, в промозглый ноябрьский день, когда Артем, опираясь на алюминиевые костыли, сам приехал на базу клуба. Он хотел просто поговорить со спортивным директором и Виктором Петровичем Самойловым — узнать, как будет проходить его реабилитация и оплатит ли клуб курс восстановления в специализированном центре.

Его даже не пустили в административный корпус. Приняли прямо в холодном, продуваемом коридоре у входа в раздевалки, где пахло хлоркой и мокрой резиной. Спортивный директор — холеный мужчина в дорогом кашемировом пальто, который еще месяц назад называл Артема «бриллиантом академии», — торопливо взглянул на швейцарские часы. Чуть поодаль, у стены, стоял Виктор Петрович Самойлов, засунув руки в карманы пуховика.

— Слушай, Артем, давай без иллюзий и детских обид, — сказал директор ровным, деловым тоном, каким обычно обсуждают списанный со склада инвентарь. — Врачи дали официальное заключение. В футбол ты не вернешься. Контракт у тебя молодежный, копеечный, держать тебя на балансе и оплачивать годы бессмысленного лечения клуб не может — у нас бюджет не резиновый. Мы выплатим тебе три оклада, подпишем расторжение по соглашению сторон и разойдемся красиво. Не порти себе и нам нервы.

Артем стоял на костылях, чувствуя, как к горлу подступает горячий, удушливый ком, а забинтованная нога наливается свинцом. Он перевел взгляд на Самойлова — того самого человека, который обещал взять его на сборы с основой.

— Виктор Петрович... — тихо позвал Артем. — Даже шанса не дадите? Я восстановлюсь. Я пахать буду за троих, вы же знаете.

Самойлов медленно отвел глаза, уставился в грязный кафельный пол и принялся внимательно разглядывать носки своих ботинок.

— Не смеши людей, Волков, — вздохнул директор и протянул ему папку с бумагами и дешевую шариковую ручку. — Подписывай. В жизни полно других профессий. Пойдешь на тренера учиться или в менеджмент.

Артем подписал. Он вышел с базы под мелкий колючий снег, сел на холодную металлическую скамейку на автобусной остановке и сжал костыли так, что побелели костяш-

ки пальцев. Мимо проносились дорогие иномарки игроков основы, обдавая его грязной снежной кашей из-под колес. Впервые за много лет он заплакал — тихо, зло, глотая ледяные слезы и глядя на красно-синий шарф, который так и остался лежать на дне его спортивной сумки.

Глава 3. Старый автобус и 15 минут

Город Бяла-Подляска на самом востоке Польши, в паре десятков километров от белорусской границы, выглядел так, словно время здесь заснуло в конце девяностых и забыло завести будильник.

Низкие двухэтажные дома с облупившейся штукатуркой, бесконечные ряды старых тополей вдоль узких дорог, густой запах угольного дыма из печных труб по утрам и старенький, дребезжащий на каждой кочке автобус марки *Autosan* с выцветшей бело-красной краской на боках.

Именно за огромной, потертой до блеска баранкой этого автобуса сидел Сергей Волков.

Когда в Москве стало окончательно ясно, что ни один российский клуб — даже из второй лиги, даже из самой глубокой провинции — не подпустит к базе игрока с раздробленным коленом и печатью профессора медицины в медкарте, отец не стал устраивать трагедий. Одним декабрьским вечером он молча достал из шкафа папку с документами, разло-

жил на кухонном столе объявления о продаже и через три дня сдал свою старую, проржавевшую до дыр «Ниву» перекупщикам за копейки. Еще через неделю они собрали две огромные спортивные сумки, закрыли московскую двушку на два оборота ключа и уехали в никуда — по звонку старого армейского товарища Сергея, который гонял фуры через польскую границу и пристроил его водителем в скромный клуб третьей лиги под названием «Сокол».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.